Скотт Александр

Правовые системы, очень непохожие на нашу (потому что я их просто выдумал)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перевод рассказа Legal Systems Very Different From Ours, Because I Just Made Them Up (https://slatestarcodex.com/2020/03/30/legal-systems-very-different-from-ours-because-i-just-made-them-up/) by Scott Alexander.

- Скотт Александр
  - ◯
- notes
  - ◯ 1
  - ◯ 2

Скотт Александр
Правовые системы, очень непохожие на нашу (потому что я их просто выдумал)

I

Жители Кламзории — анимисты. Они верят, что у каждого камня, дерева и реки есть свой дух. И эти духи обладают юридическими правами людей. Само по себе это не так уж необычно — даже Новая Зеландия признаёт за реками человеческие права[1]. Но если в Кламзории наводнение разрушит ваш дом, то вы подадите в суд на реку. Если вы выиграете, река будет вам должна. Правительство может назначить реке опекуна, чтобы заставить её выплатить долг, и этот опекун наложит временный арест на всё имущество реки. Он сможет взимать сборы с кораблей, продавать воду в водохранилища и собирать арендную плату с гидроэлектростанций. Когда река выплатит весь свой долг, опекуна уволят, и река снова станет бесплатной.

Можете ли вы судиться с объектами — это в Кламзории определяет прецедент. Если вы искупались посреди зимы в замерзающей реке и схватили простуду, вина на вас. Но если ураган уничтожил ваше имущество, вы совершенно точно можете засудить ветер за ущерб и получить возмещение с ветряных мельниц. Иски против землетрясений, вулканов и т. п. вполне обыденны. Иногда подаются иски против болезней. Иногда кто-нибудь судится даже с чем-нибудь более абстрактным — обычаем, эмоцией или концепцией.

Существует легенда об адвокате, который однажды засудил саму Смерть за неправомерные смерти, подав коллективный иск от имени всех когда-либо живших существ. Судья вынес решение в пользу истца, но назначенный опекун не смог даже взыскать ущерб — немногочисленные гробовщики и владельцы похоронных бюро в стране оказались не в состоянии оплатить даже небольшой его доли. В приливе вдохновения опекун пошёл к военным и взыскал с них плату за право убивать вражеских солдат. Военные поворчали, но в конце концов сдались: закон есть закон.

II

Фиксированные штрафы по сути своей несправедливы к бедным. Штрафуя человека на 50 долларов за переход на красный свет, вы штрафуете зарабатывающего 10 000 долларов на 0,5 % дохода, но зарабатывающий 100 000 долларов лишается лишь 0,05 % дохода.

С другой стороны, тюремное заключение по сути своей несправедливо к богатым. В конце концов, если вы и так живёте в набитой людьми трущобе, как в тюремной камере, и ваша жизнь уже и так по-тюремному скучна и полна притеснений, то отсидка не будет вам стоить почти ничего. Но если вы живёте на вилле и проводите жизнь в максимально возможной роскоши, то заключение радикально ухудшит ваше качество жизни.

В Похьянкаупунки долго и напряжённо размышляли над этой проблемой и пришли к такому решению: не наказывать преступления ни штрафами, ни тюрьмой. В виде наказания государство выписывает преступнику римонабант — препарат-продепрессант, непосредственно лишающий человека способности испытывать счастье. За переход на красный свет дают 5 мг римонабанта в течение месяца, за убийство — 80 мг римонабанта дважды в день в течение десяти лет.

В Похьянкаупунки не приговаривают к смертной казни, но если преступник решает покончить с собой, лишь бы не принимать больше препарата, считается, что он добровольно согласился на казнь, и его долг государству возмещён.

III

Словирия — прогрессивная страна. Там не обвиняют преступников в совершённом преступлении. Там понимают: в том, что люди становятся на преступный путь, виновно Общество. Поэтому, когда кто-нибудь совершает преступление, Общество и подвергается наказанию.

Словирия высоко развита технически — там есть множество социальных сетей, сотовые телефоны отслеживаются по GPS, и существуют прочие системы, позволяющие строить безупречные и объективные социальные графы. Когда кто-либо совершает преступление, государство не лишает его свободы, но наказывает других людей пропорционально их близости к преступнику в социальном графе. Если какое-нибудь преступление наказывается штрафом в 1000 долларов, то, скажем, родителей и супруга преступника штрафуют на 200 долларов, его начальника и

лучшего друга на 100, некоторых учителей на пару десятков, а прочих знакомых на несколько долларов или меньше. Если друг вашего друга, с которым вы познакомились за ужином, совершит убийство, вам, возможно, придётся заплатить пару центов.

Это не значит, что правонарушители остаются безнаказанными — Словирия всё-таки не настолько прогрессивна. Наказание для них состоит в том, что никто не хочет с ними общаться, опасаясь, что те снова нарушат закон. Если человек заведомый преступник, или подозреваемый, или просто похож на того, кто может стать преступником, то друзья, родственники и деловые партнёры сторонятся его, стараясь минимизировать свой потенциальный ущерб. Этой угрозы достаточно, чтобы предупреждать преступления и любые формы околокриминального поведения.

Словирская Радикальная партия даже прогрессивнее, чем Словирия в целом, и выступает против социального наказания. Радикалы считают, что такое наказание мешает реабилитации, поскольку преступники и молодёжь в группе риска теряют возможность обзавестись социальными связями, необходимыми для успеха, и им остаётся лишь общение с такими же преступными личностями. Они предлагают полную инверсию словирской системы правосудия: когда кто-нибудь совершит преступление, ближайших к нему людей нужно наградить. По их представлению, в будущем, если кто-нибудь проявит хоть малейший признак антисоциального поведения, на него обрушат любовь десятки человек, рассчитывающих разбогатеть на знакомстве с ним; его будут охотно брать на работу, усыновлять, вступать в любовные отношения или просто служить ему менторами и родительскими фигурами. Но не будут ли все эти люди подталкивать потенциального преступника к правонарушению? Радикалы спорят об этом между собой, и одно из предлагаемых решений таково: именно это может быть обычным преступлением, за которое нужно сажать в тюрьму.

IV

Правовая система Нова-Ништистана основана на шантаже. Не только на шантаже: там есть суды, тюрьмы и т. д. Но мало кто ими пользуется. Если у вас есть доказательства, что кто-то совершил преступление, предполагается, что вы будете угрожать доносом, пока вам не заплатят.

У этой системы масса достоинств. Лучшими доказательствами преступления обладает жертва. Жертва решает,

сколько денег ей потребовать в возмещение, и имеет неплохой шанс получить их. Штрафы назначаются пропорционально богатству жертвы, так что бедняки не погрязают в неоплатных долгах. Если у преступления нет жертвы или жертва отказывается от обвинения, то все прочие свидетели приобретают стимул взять на себя наказание правонарушителя по своей собственной инициативе. Немногие преступления доходят до суда или тюрьмы, поэтому каждому гарантирован быстрый суд и не переполненная тюремная камера.

Для поддержания этой системы нова-нишистанцы нуждаются во множестве законов, регулирующих собственно шантаж. Одно из самых серьёзных преступлений — шантажировать, получить требуемый выкуп, но всё равно донести; каждый виновный в этом приговаривается к длительному заключению. Шантаж без определённых условий («заплатите мне сейчас 100 долларов, а потом я, возможно, потребую ещё») запрещён. Запрещено и требовать выкуп иначе, чем деньгами — этим было бы слишком легко злоупотребить. Существует ещё множество подобных правил.

В законе, запрещающем месть за шантаж, необходимости нет. Казалось бы, это проблема: ведь шантажировать банду должно быть очень страшно. Но существует множество лиц, компаний и (скажем прямо) соперничающих банд, которые с удовольствием окажут услугу «мёртвой руки». Поделитесь с ними своим секретом (который они пообещают не раскрывать без вашего согласия), и что бы с вами ни случилось, они призовут за это к ответу. Более того, если с вами что-то случится, они почти гарантированно расследуют вашу смерть, чтобы получить улики в качестве основы для очень многообещающего шантажа.

Конечно, это работает только с людьми, достаточно рациональными для того, чтобы отвечать на предложения. Вряд ли вы захотите шантажировать абсолютно непредсказуемого психопата, даже подстраховавшись услугой «мёртвой руки». Но такие люди в любом случае должны сидеть в тюрьме!

V

В Боголии считается несправедливым, что богатые могут нанимать лучших адвокатов, чем бедные. Но боголийцы не хотят авторитарно запрещать богачу нанимать хороших адвокатов, если тот считают, что важно иметь в суде опытного представителя. Они постановили, чтобы в каждом процессе обе стороны оплачивали адвокатов одинаково. Богач может нанять сколь

угодно дорогого защитника для себя, но должен пожертвовать равную сумму истцу, чтобы и тот нанял себе адвоката-светило. Вы можете засудить кого-нибудь с помощью сколь угодно высокооплачиваемого адвоката, но обязаны пожертвовать ответчику ту же сумму на его защиту. (Это относится и к государству: если вы обвиняемый, то вы вправе получить государственного защитника на ту же сумму, которую государство потратило на ваше обвинение, даже если вы бедны и не можете позволить себе такие расходы).

Некоторые тролли пытались подавать необоснованные иски против нелюбимых ими компаний, предполагая, что компания будет вынуждена платить обеим сторонам и в конце концов разорится. Они были наказаны согласно обычному законодательству против необоснованных исков, и выяснилось, что компании, которых не разорила бы оплата одной стороны в суде, не разорились и из-за оплаты обеих сторон.

Но были и более странные непредвиденные последствия. Для богатых клиентов, судившихся с бедными, стало стратегическим вопросом — хорошего или плохого нанимать адвоката. Если вы считаете, что правота на вашей стороне, вам следует нанять хорошего адвоката, поскольку два одинаково хороших адвоката в столкновении друг с другом, скорее всего, придут к истине. Если же вы считаете, что неправы, вам больше подойдёт дерьмовый адвокат, потому что в этом случае дерьмовый адвокат будет и у противника, а два одинаково дерьмовых адвоката в столкновении друг с другом, скорее всего, придут к рандомному результату. Таким образом, отказ от найма хорошего адвоката стал восприниматься как признание слабости позиции.

Кроме того, гонорары адвокатов стали неадекватными. Если случайный преступник каким-то образом нанёс ущерб богачу и богач нанял хорошего адвоката, то случайный преступник может получить десятки тысяч долларов на юридическую защиту. Но случайные преступники обычно плохо разбираются в качестве работы адвокатов; на этой почве расплодились тысячи адвокатов-хищников, стремящихся впечатлить этих людей внушительным обликом и непомерными запросами. С другой стороны, появилась каста низкооплачиваемых адвокатов, обслуживающих самых осведомлённых политических деятелей — они брали очень низкую плату в обмен на неограниченный социальный кредит для последующих инвестиций. Разражалось всё больше политических скандалов вокруг престижных адвокатов, которые бесплатно обслуживали политиков в обмен на их фавор, и тем самым лишали противную сторону права на равную юридическую помощь.

В конце концов власти постановили изменить систему: истец и ответчик договариваются о кандидатурах двух адвокатов. Затем судья бросает монету, и адвокаты назначаются сторонам случайным образом.

VI

Санцорре непредвиденно превратилось в анархо-капиталистическое государство[2] под властью страховых компаний, специализирующихся на преступной небрежности.

Всё началось со страхования врачей. Врачи знают, что проигранный иск о небрежности может разрушить их карьеру. Хорошим врачам легче, но это не стопроцентная гарантия. Даже лучшему врачу может не повезти, или завистник может сфабриковать против него дело. С другой стороны, даже очень плохому врачу может повезти, и он никогда не станет жертвой иска. Поэтому врачи стали страховаться от преступной небрежности, и если казалось, что врач плохо лечит, то его страховая компания повышала ставку.

Эта система работала достаточно хорошо, так что распространилась и на другие области. Если обнаруживалось, что промышленные отходы через десять лет вызывают рак, то за это платила компания, застраховавшая завод от преступной небрежности. Если кто-нибудь поскальзывался, падал и ломал позвоночник на полу ресторана, за это платила компания, застраховавшая от небрежности ресторан. Конечно, эти страховые компании тесно сотрудничали с заводами, следя за их отходами, и давали скидки тем ресторанам, где хорошо мыли пол.

В конце концов они начали обслуживать и обычных людей. Если вы нечаянно собьёте машиной чью-то собаку, и на вас подадут в суд, то лучше иметь персональную страховку от небрежности, чем платить десятки тысяч долларов из своего кармана. Для санцоррийцев страховка небрежности стала тем же, что медицинская страховка для американцев — необходимая вещь, если вы не хотите разорительного процесса.

Во всех этих процессах истцов обычно обслуживали адвокаты, работавшие за оплату по результату. Но чем лучше работали страховые компании, тем сильнее усыхали их гонорары. В конце концов лоббисты страховых компаний добились полного запрета оплаты по результату. Перед простыми людьми встала проблема: как добиться возмещения ущерба со стороны тех, кто допустил преступную небрежность. Так появилось страхование жалоб.

Если врач причинил вам ущерб врачебной ошибкой, а у вас

есть страховка жалобы, то страховая компания оплатит ваши расходы на иск о преступной небрежности. Если вы отравлены промышленными отходами, страховая компания оплатит затраты на иск против завода. Страхование жалоб вскоре стало таким же важным, как страхование небрежности. Без него вы не смогли бы отстаивать свои права.

Страхование жалоб, как и страхование небрежности, было доступно по цене только тем, кто соглашался избегать риска. Если вы хотите иметь возможность засудить за небрежность — не лечитесь у знахарей. Если вы хотите иметь возможность засудить фабрику за загрязнение — не селитесь рядом с угольной фабрикой. Страхование жалоб постепенно накладывало всё больше ограничений на поведение людей, и люди в основном следовали им.

По мере того как страхование небрежности стимулировало потенциальных ответчиков избегать действий, способных причинить вред, а страхование жалоб стимулировало индивидов избегать риска, количество судебных исков постепенно снижалось. Как правило, конфликты улаживались досудебно между страхователями небрежности и страхователями жалоб, и иногда обе компании изменяли условия своих полисов, чтобы в будущем избежать повторений. В конце концов исчезла и эта формальность: каждая компания-страхователь небрежности ежегодно уплачивала оговоренную сумму каждой компании-страхователю жалоб, а страхователь жалоб платил жалобщикам со своего счёта в соответствии со своими полисами.

Это был не вполне анархо-капитализм. Государство всё ещё занималось некоторыми серьёзными преступлениями типа убийств. Но страховые компании заменили собой гражданские суды и управленческий аппарат, и стали контролировать все аспекты ведения бизнеса.

VII

Современная философия считает формальные системы чушью. Стремление редуцировать всю сложность реальной жизни к некоему простому набору правил — детская мечта, напоминающая фашистов и радикальных модернистов начала XX века. Прогрессивные мыслители понимают, что для выхода за пределы систематичности нужна гибкость, соответствующая пятой стадии взросления по Кигану. Поэтому у жителей Миракота нет законов. Они просто не должны совершать плохих поступков.

Если в Миракоте кто-нибудь считает, что кто-то другой совершил что-то плохое, он может сообщить об этом совету семи судей. Если большинство судей решит, что действительно был совершён плохой поступок, они могут назначить за него наказание, которое считают справедливым. Осуждённый может апеллировать к совету сорока девяти судей. Если те решат, что был совершён плохой поступок — значит, так оно и есть. Эти судьи не обязаны следовать ни прецедентам, ни какой-либо определённой философии. Просто предполагается, что они за всё хорошее и против всего плохого.

Чтобы люди не подбирали судей, согласных с ними, каждое дело отдаётся на рассмотрение семи судей, выбранных случайно. Все процессы ведутся по видеоконференции, чтобы выбор судей не диктовался географической мобильностью. Если судьи считают иск необоснованным, они могут наказать истца.

Не создаёт ли это парализующую неопределённость, при которой никто не знает, можно ли сделать хоть что-нибудь? На самом деле нет. Спорные случаи, как правило, доходят до полной коллегии из сорока девяти судей. Если только 20 % судей в стране придерживаются какого-либо мнения, то есть лишь один шанс из миллиона, что дело будет решено их голосами. Даже если мнения придерживаются 40 %, шанс выигрыша составляет лишь 8 %. Итак, не совершайте поступков, которые больше 40 % людей считают дурными, и всё у вас будет хорошо!

notes

Примечания

1

См. статью Кейт Эванс для BBC «Новозеландская река, которая стала юридическим лицом» (*The New Zealand river that became a legal person* by Kate Evans). — *Прим. книгодела*.

2

См. Дэвид Фридман «Машинерия свободы» (*The Machinery of Freedom* by David Friedman). — *Прим. книгодела*.